

ОБРАЗ ДЬЯКОНА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА В ОЦЕНКЕ ЦЕРКОВНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

В статье, посвященной оценке церковными критиками образа священника в русской литературе второй половины XIX — начала XX века, нами отмечалось, что духовная журналистика обращала внимание на все романы, повести, рассказы, очерки писателей, как известных, так и второстепенных и третьестепенных, в которых были изображены иереи.¹ Критики в первую очередь обращали внимание: соответствует ли действительности тип священнослужителя, оставляя в стороне художественные достоинства произведения. Одной из главных целей подобных рецензий было ознакомление духовенства с литературными новинками, при этом рецензенты, как правило, подробно излагали беллетристический сюжет, а потом делали вывод, насколько он правдоподобен. Да и само духовенство в те десятилетия проявляло интерес к светской литературе. Корреспондент церковного журнала писал о том, что священники должны знакомиться с новейшей беллетристикой, которая сообщает о том, что происходит в душе современного человека, а это знание должно помочь пастырю в его приходской деятельности.²

Профессору Санкт-Петербургской духовной академии Н. И. Барсову принадлежит заслуга в том, что он первым проанализировал все вышедшие до 1874 года произведения, в которых изображались служители Церкви, и ввел понятие «типы духовенства в литературе».³ Через 12 лет профессор Казанской духовной академии А. В. Попов опубликовал большую работу,⁴ где не только перечислил разные типы иереев, но и обратил внимание на образы низших членов клира: дьякона и причетника, которые, по его мнению, «не отличаются такой отделанностью, рельефностью и разнообразием, как типы священника».⁵

Рассуждая о романе Н. С. Лескова «Соборяне», критики наряду с образами о. Савелия Туберозова, его жены Наталии Николаевны, о. Захарии Бенефактова подробно анализировали и образ дьякона Ахиллы Десницына. Профессор Киевской духовной академии А. Д. Воронов в статье, посвященной роману,⁶ считал, что если о. Савелий «является представителем силы разумной», то Ахилла, — настоящий богатырь, обладающий прекрасным басом, «представляется олицетворением, так сказать, „силы стихийной“». ⁷ Он родом из украинских казаков и, будучи дьяконом, сохраняет «многие казачьи привычки». Вначале образ Ахиллы кажется немного карикатурным, но в дальнейшем в нем обнаруживаются самые светлые черты, а его различные чудачества показывают только его «простоту и близость к природе, в которой все его утешает и радует».⁸ Дьякон очень любит о. Савелия, пытается защитить его от незаслуженного

¹ Розов А. Н. Заметки о церковной критике второй половины XIX — начала XX века (образ священника в русской литературе) // Русская литература. 2001. № 4. С. 32.

² Отношение духовенства к современной светской литературе // Вятские епархиальные ведомости. 1913. 15 авг. № 33. Ч. неофиц. С. 985–989.

³ Барсов Н. И. Мнения и отзывы нашей светской литературы о русском духовенстве // Христианское чтение. 1874. Март. Внутреннее обозрение. С. 477–500.

⁴ Попов А. Типы духовенства в русской художественной литературе за последнее 12-летие // Православный собеседник. 1884. Ч. 2. Май. С. 44–88; Июнь. С. 202–238; Июль. С. 278–331 (отд. изд. вышло в Казани в том же 1884 году).

⁵ Там же. С. 293.

⁶ А. В. [Воронов А. Д.]. Типы духовных лиц в светской литературе («Соборяне» // Русский вестник. 1872. Кн. 4–7) // Руководство для сельских пастырей (далее — РДСП). 1872. Т. 3. № 50 (10 дек.). С. 569–576; № 51 (17 дек.). С. 608–617; № 52 (24 дек.). С. 664–674.

⁷ Там же. С. 672.

⁸ Там же. С. 673.

тяжелого наказания, а когда протопоп умирает, то Ахилла продает все свое имущество, чтобы на полученные деньги поставить памятник на могиле протопопы.

Воронов делает вывод, что Лесков, изображая Ахиллу, наводит читателя «на мысль, что и таким „стихийным силам“ надлежало бы дать исход и направление, более соответственное и полезное, чтобы не заедала их „неодоленная скука“, ведущая к разным „увлечениям“». ⁹

Другой критик, А. Г. Вишняков, вслед за Вороновым считал, что, во-первых, Ахилла по своим человеческим чертам стоит выше о. Захарии; во-вторых, он до известной степени карикатурен. По мнению Вишнякова, такой тип дьякона едва ли существовал в действительности и «трудно не усмотреть излишней утрировки в изображении „похуждений“ его». ¹⁰

А. В. Попов называет Ахиллу симпатичным и своеобразным типом дьякона, который «живет как стихийная сила, не зная сам, для чего и к чему он поставлен <...>. Сил у Ахиллы, как видится, много, но применить их он не знает, куда. Сан дьякона как будто не дает ему дела для затраты сил». ¹¹ Отсюда все его многочисленные чудачества.

Роман Лескова, несомненно, оказал влияние на повесть Л. А. Лашеевой (псевдоним Марк Басанин) «Новоселковское кладбище» (опубл. 1901). Главный герой этого произведения — кладбищенский дьякон Сила Фавматургов, человек высокого роста с младенческим характером. Он добрый человек, раздающий деньги тем, кто нуждается, его часто обманывают, но на обманщика не сердится; он неглуп, жалостлив и наблюдателен, здраво судит о том, что происходит. Сила очень любил умершего священника о. Феофила и стремится во всем подражать ему. Обо всем этом, подобно о. Савелию Туберовову, он пишет в дневнике. Отец Петр, новый настоятель, любит дьякона. «Ум у него, — говорит он, — есть, но на манер как бы младенческого, непрактичный, в жизни неудобный. А душа у него чистая и светлая, как кристалл. <...> Сила, хотя и бывает маломыслен, уважения достоин». ¹²

Священник Н. А. Колосов, библиотекарь Московской духовной академии, автор обзоров новинок русской литературы с 1896 по 1911 год, где были выведены представители служителей церкви, писал, что Сила похож на Ахиллу «только без размашистой удалы и дурачеств этого последнего».

Итак, Ахилла Десницын и Сила Фавматургов — это особый тип городского дьякона.

Корреспондент одного из церковных журналов утверждал, что Ахилла «смотрит и на свой сан, т. е. как на что-то неопределенное для него, неясное. Этим автор, вероятно, хотел показать ненужность дьякона в общей жизни духовенства, неопределенность и двусмысленность его существования». ¹³ С подобным мнением можно не согласиться: едва ли Лесков, создавая образ Ахиллы, хотел подчеркнуть, что городские дьяконы не нужны, а первым писателем, который действительно заявил об этом, имея в виду сельский приход, был А. А. Потехин.

Если Лесков писал о жизни городского духовенства в 1830–1860-е годы, то А. А. Потехин посвятил свой второй очерк «Деревенские мироеды» ¹⁴ сельскому приходу. Рассказу о деятельности дьякона Павла во времена крепостного права предшествует рассуждение писателя о роли дьякона в селе.

Эти рассуждения были актуальны для того времени, так как по Положению 1869 года «О составе приходов и церковных причтов» было введено новое штатное расписание

⁹ Там же.

¹⁰ NN [Вишняков А. Г.]. Наше духовенство по беллетристическим произведениям. I. *Собрание. Старогородская хроника*. Соч. Лескова (Стебницкого) 1872 // Православное обозрение. 1876. Февраль. С. 304–333.

¹¹ Попов А. Типы духовенства в русской художественной литературе за последнее 12-летие // Православный собеседник. 1884. Ч. 2. Июль. С. 298.

¹² Басанин М. [Лашеева Л. А.]. Новоселковское кладбище. СПб., 1901. С. 38–39 (сер. «Новая библиотека Суворина»).

¹³ [Б. п.]. Отношение беллетристики к духовенству // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1885. Июль–август. Внутреннее обозрение. С. 126–154.

¹⁴ Потехин А. А. Сельские мироеды // Вестник Европы. 1880. Кн. 5. С. 101–140.

для членов причта. Дьяконская должность в сельском приходе ликвидировалась, каждая церковь должна была иметь лишь двух членов клира: священника и псаломщика. Делалось все это для улучшения материального состояния духовенства, прежде всего сельского. Теперь «прихожане любой церкви по своему желанию, но исключительно на собственные средства, могли заполучить в штат дьякона».¹⁵

К. П. Победоносцев, который с 1880 года стал обер-прокурором Синода, осуждал Положение 16 апреля. Он утверждал, что в ряде епархий «из-за дьяконов, составляющих ныне редкость, происходят чуть не драки; между тем как закрытие дьяконских вакансий не прибавило дохода священникам. Доход этот остается в руках прихожан, раздраженных отъятием дьяконов».¹⁶

Закон от 16 февраля 1885 года «пересмотрел и проблему дьяконов, объявив, что церковные причты во всех епархиях, кроме западных и закавказских, отныне будут состоять из священника и псаломщика в приходах с числом верующих менее 700 душ мужского населения и из священника, дьякона и псаломщика в тех, где более 700 душ. И вообще, везде, где имелись местные средства, архиереи получили позволение назначать дьяконов и при меньшем числе прихожан».¹⁷

По мнению Попова, Потехин выразил «общее отношение беллетристики к дьякону и причетнику как типам художественной литературы».¹⁸ Далее критик подробно изложил содержание этого очерка. Писатель отмечал двойственное положение сельского дьякона: с одной стороны, он, как и священник, священнослужитель, а не церковнослужитель, как дьячок и пономарь. Однако священник никогда не будет считать дьякона равным себе, дьячок же полагает, что по своему достоинству он почти не уступает дьякону, а в знании церковного устава превосходит последнего. В общении с прихожанами старый дьячок, как правило, более необходим, чем дьякон. Дьякон чаще всего завидует священнику и не уважает его, поэтому старается найти поддержку у церковнослужителей. Однако в церкви и в домах прихожан, куда нет доступа причетникам, дьякон старается быть рядом с батюшкой, хотя и играет здесь второстепенную роль.

Когда молодой дьякон, красивый и имеющий хороший голос, начинает свою деятельность, то он стремится стать в приходе независимой и самостоятельной личностью, подражая «важности соборного протодьякона». Он истово служит в храме, пытается создать из прихожан церковный хор, обучает деревенских детей в церковно-приходской школе, старается сблизиться с иереем. Однако со временем дьякон понимает всю тщетность своих устремлений, «впадает в апатию и проникается завистью и скрытым недовольством против священника».¹⁹

Дьякон не способен вести свое хозяйство, как причетник, поэтому последний, хотя и получает меньше доходов от служения в церкви, живет лучше его. Дьячок вместе с членами его семьи много времени и сил отдает разным деревенским занятиям. Ему не нужно, как дьякону, заботиться о церковном облачении. Обстановка дома у дьячка ничем почти не отличается от крестьянской избы. Дьяконское же общественное положение требует больших расходов, хотя его доход значительно меньше, чем у настоятеля храма. Его домашняя обстановка, одежда и обувь его и членов семьи должна быть наравне с тем, что наблюдается у священника. Работа на поле непристойна для него, поэтому приходится прибегать к помощи прихожан (так называемые «помочи»), которые, в отличие от помочей у батюшки, идут к нему неохотно.

Попов приходит к выводу, что хотя в литературе встречаются и другие типы сельских дьяконов, но везде «как бы подчеркивается ненужность дьякона в общей жизни и, во всяком случае, неопределенность и двусмысленность его существования».²⁰

¹⁵ См.: *Римский С. В.* Российская церковь в эпоху Великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М., 1999. С. 522–523, 545.

¹⁶ Цит. по: Там же. С. 543.

¹⁷ Там же. С. 545.

¹⁸ *Попов А.* Типы духовенства в русской художественной литературе за последнее 12-летие. С. 278.

¹⁹ Там же. С. 294.

²⁰ Там же. С. 298.

Как видим, Попов не стал рассматривать образ дьякона о. Павла из очерка Потехина.

Другой критик²¹ замечает, что в последнее время в светской печати высказывается мнение о восстановлении дьяконской вакансии в сельских приходах. Дьяконы, во-первых, подчас необходимы священникам как помощники в богослужении и даже могут в ряде случаев их заменить; во-вторых, русский народ очень любит дьяконское служение. Дьяконы, чаще всего являясь более образованными, чем причетники, способны преподавать в сельских школах и даже заведовать ими.

Критик не согласен с рассуждениями беллетристов о роли сельских дьяконов, так как они основаны на недостаточном знании положения духовенства. Этот недостаток характерен даже для лучших писателей, которые пишут о жизни сельского клира, например для Потехина. Он слишком категоричен в своих рассуждениях, когда утверждает, что дьякон играет второстепенную роль в причте, потому что хотя он стоит выше причетника, но всегда ниже священника. И в этом заключается неопределенность, шаткость и двусмысленность положения сельского дьякона. Но это совершенно нормальное явление, так как отношение прихожан к членам причта зависит от их сана, и дьякон занимает положение между священником и псаломщиком. Подобная градация наблюдается во всех классах общества. Русский народ «хотя относит к дьяконам с меньшим почтением, нежели к священникам, однако высоко ставит сан дьяконов и всегда проводит определенную границу в своих отношениях к ним и причетникам».²² Далее рецензент не соглашается с мнением Потехина, что любой дьякон стремится стать священником, завидует настоятелю и вступает в оппозицию ему вместе с причетниками. Однако, во-первых, священнический сан мог получить только тот, кто закончил семинарию, а таких людей во время крепостного права было мало; во-вторых, негативное отношение дьякона к священнику не повсеместное явление, как утверждает Потехин, а весьма редкое; в-третьих, редко наблюдается сближение дьякона с причетниками, так как «обычно дьякон все же стоит ближе к священнику, чем к низшим членам причта».²³

Критик не соглашается и с утверждением писателя о том, что любой дьякон, начав свое служение в сельском приходе, проявляет большую активность: стремится занять равное положение со священником, для чего угождает влиятельным прихожанам, работает в церковно-приходской школе, не сближается с причетниками. Однако со временем все его благие намерения терпят крах. Подобное утверждение нельзя применять ко всем дьяконам. По сравнению с другими клириками дьякон реже может выражать свое неудовольствие, так как, во-первых, по своим обязанностям в приходе он не столь ответствен за церковную деятельность и не столь тесно связан с прихожанами, как священник; во-вторых, он менее причетников зависит от иерея и паствы. Только низшие члены причта могут сетовать на свою судьбу, так как имеют скудное жалованье, выполняют всякие черные работы, находятся в полной зависимости от других клириков, нередко подвергаются унижениям со стороны ряда богатых прихожан.

Потехин сравнивал дьякона с дьячком, который, несмотря на то, что его церковные доходы гораздо меньше дьяконских, всегда живет лучше, имеет больше урожай с земельного надела, меньше тратит денег на себя и свою семью. По мнению критика, и это утверждение весьма спорно.

Другие авторы рецензий, например Н. К. Калинин,²⁴ подробно излагают сюжет второго очерка, посвященного деятельности старого сельского дьякона о. Павла, которого Потехин также считал деревенским мироедом. О. Павел почти сорок лет служит в небогатом приходе, в котором чувствует себя хозяином. Он скряга и крохобор

²¹ *Д-т Д-в.* К вопросу о положении сельских дьяконов // РДСП. 1883. Т. 3. № 45 (6 нояб.). С. 259–267.

²² Там же. С. 261.

²³ Там же. С. 263.

²⁴ *Калинин Н. К.* Деревенские мироеды. Старый покровский дьякон. Очерк А. А. Потехина (Вестник Европы. 1880. Май) // РДСП. 1882. Т. 3. № 45 (7 нояб.). С. 249–267; Т. 3. № 48 (28 нояб.). С. 345–353.

с одной страстью — стяжательством. О. Павел установил разные поборы с прихожан, посещая их избы. Когда крестьяне роптали, то он, обладая даром красноречия, ссылался на Священное Писание и убеждал их, что все поборы законны. Для увеличения своих доходов дьякон придумал новые требы, которые не встречались в соседних приходах. О. Павел считал, что именно он, а не настоятель храма «настоящий пастырь <...> духовного стада», благодаря которому в приходе возникло «рвение к церкви Божьей».²⁵ Дьякону удалось расположить к себе местную помещицу, которая посылала ему своих крепостных для обработки дьяконской земли, разрешала рубить ее лес для разных построек и т. д., а также с бургомистром, помогавшим о. Павлу в его деятельности. Дьякон был отличным земледельцем, получавшим самый большой урожай в приходе. Он продавал крестьянам зерно для посева, покупал у них по низкой цене скот, сбывая его за большие деньги на ярмарке.

Много сил отдавал о. Павел своему хозяйству, при этом он никогда не нанимал работников, справлялся сам с помощью жены, а когда та умерла, то ему помогать стала сестра и дочь.

У дьякона взрослая дочь, но он никогда не думал о ее замужестве, так как по обычаям тех лет зять должен занять его должность в приходе. Сестра уговаривает брата выдать дочь замуж. Местный благочинный говорит о. Павлу, что он уже стар и его могут уволить за штат. Дьякон соглашается на брак дочери. Он посылает сестру в город к своему двоюродному брату Бронзову, профессору семинарии, чтобы тот выбрал подходящего жениха среди своих учеников. Бронзов рекомендует Якова Горского, который готов ехать в приход о. Павла, если тот даст ему в качестве приданого не меньше 700 рублей. Горский приезжает к будущему тестю, и оба торгуются за приданое. Наконец, они договорились, что жених перед свадьбой получит 200 р., а также вексель на 500 р. Очерк оканчивается описанием свадьбы.

Калинников считает, что это произведение посвящено быту сельского духовенства времен крепостного права (1850–1860-х годов). По его мнению, в самом словосочетании «деревенский мироед», примененном к о. Павлу, «нет какого-то дурного значения».²⁶ Дьякон без всякой брани и угроз забирает у прихожан разные подаяния. О. Павел не скряга, а скорее скопидом, работающий до истощения, «расчетливый и опытный хозяин», не производящий «на читателя впечатления отталкивающего. Если ему во многом нельзя симпатизировать, то и осуждать его было бы большой натяжкой и несправедливостью». Для Калинникова и образ Якова Горского весьма симпатичен: он «просто неглупый и аккуратный молодой человек, с житейским тактом и расчетливостью», поэтому о. Павел «не ошибся в выборе будущего зятя».²⁷

Далеко не все критики были согласны с подобной оценкой о. Павла. Так, корреспондент одного из церковных журналов считал, что очерк Потехина — «единственное произведение, где с поразительной живостью и полнотою представлен, в грязно отврагительном виде, дьякон, как скряга, скопидом и где он отнесен к числу деревенских мироедов».²⁸

Калинников не обратил внимания на то, что даже свою церковную деятельность дьякон посвятил той же цели — обогащению, поэтому, на наш взгляд, о. Павел, как и Яков Горский, — это отрицательные типы сельских дьяконов.

Было немало писателей, в произведениях которых выведены разные положительные дьяконские типы, например рассказ Соловьева-Несмелова «Будет и преизбудет», который рассматривал Колосов.²⁹ В сельском приходе живут священник о. Михаил и его отец, заштатный дьякон Платон, которому почти 80 лет, но он продолжает служить в домах прихожан: читает псалтырь по умершим, а на досуге читает и поет псал-

²⁵ Потехин А. А. Сельские мироеды. С. 111.

²⁶ Калинников Н. К. Деревенские мироеды. С. 361.

²⁷ Там же. С. 362.

²⁸ [Б. п.]. Отношение беллетристики к духовенству // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1885. Июль–Август. Внутреннее обозрение. С. 146–147.

²⁹ Колосов Н. А., *свящ.* Типы православного духовенства в русской светской литературе 1901–1902 гг. М., 1903. С. 16–19.

мы. В село приезжает князь Голицын, которому о. Михаил так понравился, что он приглашает его служить в своем селе. Священнику не хочется покидать приход, а Голицын, уезжая, просит подумать о переезде. Князю понравился также и старый дьякон, которому он предлагает помочь получить сан священника, но Платон отвечает, что этого сана не заслужил.

О. Михаил лишился покоя, его жена хочет переезда на новое место, а его отец надеется, что сын откажется от соблазна. Ночью священнику снится таинственная фигура, которая говорит ему: «...не уходи, служи при моем храме», после чего о. Михаил понимает, что должен остаться в селе. Утром о. Платон увидел сына, и по его лицу понял, что сын преодолел искушение. Обняв его, он сказал: «— То-то! все слава Богу. Помни старинный завет родителей наших: держись, птица, за сучок, на коем гнездо свила; мал сучок да обсижен, — крепче большого дерева — и твой он, и на нем у тебя все будет и преизбудет, а сядешь и на большое дерево, да все врозь пойдет».³⁰ В этом рассказе писатель затронул важную проблему преемственности традиций, что имело и имеет большое значение как в жизни всего общества, так и в жизни разных слоев, в частности духовенства.

Высоко оценила церковная критика «Рассказы о прошлом» С. Я. Елпатьевского. Священник, законоучитель ряда киевских учебных заведений Е. З. Капралов считал особой заслугой писателя, что он «соединил с художественною правдою правду бытовую».³¹ Для критика произведение Елпатьевского — «памятник классической литературы». Особенно подробно остановился Капралов на главе «Отец». Пересказывая сюжет этой главы, он отметил, что в то время всюду в сельской жизни царил страх перед начальством, но самый страшный страх — за будущий урожай, за завтрашний день. «Это — не фотография только, — подчеркивал Капралов, — это целый тип, которому не суждено, вероятно, долго умереть и отойти в область преданий потому, что еще слишком глубокими корнями сидят и в современной приходской жизни условия, этот тип создавшие. Две-три несущественные поправки в названиях, две-три, может быть, новых черточек — и в сущности перед нами современный о. дьякон весьма значительной части великорусских приходов».³²

Отец Елпатьевского, дьякон — это маленький человек с великой душой. «Невыразимое, до боли жгучее сострадание щемит сердце, когда пробегаешь строки, изображающие эту затаенную скорбь <...>. Мелкая душа в такой обстановке безобразится. Душа крутогорского отца дьякона в той же обстановке покоряет и вызывает просто умиление. Ни тени ропота, ни звука жалобы, ни слова осуждения кому-нибудь <...>. Это — уже величие духа, пред которым наша притязательная, вздорная требовательность кажется пошлой».³³

Такой же маленький человек с великой душой, дьякон Филипп Сперанский, изображен Л. Андреевым в рассказе «Жили-были». Отметим, что если все творчество писателя, его рассказы, повести, пьесы вызывали резко негативную реакцию у церковных критиков, то этот рассказ — единственное его произведение, оцененное в высшей степени положительно. Автор рецензии на сборник рассказов Андреева (1901) в журнале «Воскресный день» заметил, что в нем «среди общего мрака ярко выделяется одна светлая точка, такая яркая, что ее одной достаточно для ищущего света».³⁴ Далее подробно излагается сюжет рассказа, главным персонажем которого является тамбовский дьякон, приехавший лечиться в московскую клинику. Простой, словоохотливый человек, он перезнакомился со всеми в больнице, рассказывая о себе, о своей семье, доме и саде. Дьякон активно борется со смертельной болезнью, сохраняя силу духа. Он

³⁰ Соловьев-Несмелов Н. А. Будет и преизбудет: Очерк из поволжских типов недавнего прошлого. М., 1906. С. 100.

³¹ Капралов Е., свящ. Духовенство в современной беллетристике // РДСП. 1905. Т. 2. № 27 (3 июля). С. 250–261.

³² Там же. С. 253.

³³ Там же. С. 254–255.

³⁴ Христианство и литература. Рассказ Л. Андреева «Жили-были» // Воскресный день. 1902. № 1. С. 10.

постоянно восхищается всем, что видит вокруг: чистотой палат и коридоров, добротой докторов, радуется, глядя в окно, ясному солнцу, чирикающей на подоконнике птичке. Антиподом дьякону служит сосед по палате купец Лаврентий Петрович Кошеверов, в высшей степени циничный человек, который неоднократно старается спустить соседа с неба на землю, предрекая ему скорую смерть. Филипп Сперанский, делает вывод рецензент, «простой, неученый человек, <...> покорял людей и заставлял себя любить всех, кто его знал. Купец сказал, что он „глуп до святости“ ... Действительно, „до святости“, но не глуп, а наивен и детски доверчив. Из жизни трудовой и полной лишений, он вынес сердце отзывчивое и ту свежесть души и чувства, которые его не покидали до последней минуты <...>. Такому истинно верующему человеку легко жить, и умирать не страшно».³⁵

Колосов, без комментариев изложив сюжет рассказа Андреева, присоединяет отрывок из опубликованных в «Русских ведомостях» в 1902 году воспоминаний писателя Л. Ф. Пантелеева о вологодском дьяконе, жившем в середине XIX века. Дьякон уже не служил в соборе. У него не было своего жилья, поэтому, по словам Пантелеева, «жил, как птица небесная, где день, где ночь, всюду встречаемый, как желанный гость».³⁶ Дьякон был человеком кротким и участливым к людскому горю. Когда у него были деньги, он тратил их на свечи в храме, покупал просфоры или отдавал нищим. На улице одни ему приветливо кланялись, другие подходили под благословение. Дьякон обожал детей и уделял им много внимания. Его особенно любили в среде небогатых обывателей, которые делились с ним своими печалью и радостями. Когда он умер, то город никогда не видел такого количества людей, провожавших его на кладбище. Дьякон обладал даром прозорливости. Далее писатель перечислил все ему известные случаи, когда его предсказания сбылись.

Присоединяя к своему анализу рассказа Андреева отрывок из воспоминаний Пантелеева, Колосов использовал его «как доказательство того, сколько есть неведомых миру достойных и истинных служителей Божиих, а также и того, что положительные типы духовенства — не плоды фантазии, а взяты с натуры».³⁷

В своем обзоре новинок беллетристики критик журнала «Воскресный день»³⁸ рассматривает рассказ А. В. Круглова «Непутевый дьякон», в котором выведен еще один положительный тип священнослужителя. Это — Аркадий Кустодиев, служивший в церкви одного из губернских городов. Прозвище «непутевый дьякон» он получил за ряд своих чудачеств (и в этом он, конечно, похож на Ахиллу Десницына). Отца Аркадия за его прекрасный голос и истовое служение в храме знали и любили все в городе. Он очень добрый человек, готовый помочь каждому нуждающемуся. Однажды он узнал, что бедную вдову с внуками выселяют за долги из дома. Все усилия дьякона достать деньги для нее оказываются неудачными. Он решает обратиться к настоятелю монастыря архимандриту Акакию, который имел прозвище «блаженный» за то, что раздавал все свои деньги, а сам при этом оставался без гроша; когда у него не было денег, то раздавал вместо них разные вещи.

Кустодиев уважал настоятеля, а тот знал и любил дьякона, снисходительно относясь к его чудачествам. «Это что, это внешнее, — говорил он о Кустодиеве, — главное душа, а душа у дьякона славная. У него уж натура такая неугомонная... Здоров он очень, крови избыток... Выхода сила просит... С годами утихомирится».³⁹ У архимандрита нет денег, но, узнав, на что они нужны, предлагает свою дорогую шубу, чтобы дьякон либо продал ее или заложил.

Изложив сюжет рассказа, критик сетует, что здесь только два положительных персонажа — дьякон Кустодиев и архимандрит Акакий, все же другие духовные лица «вы-

³⁵ Там же. С. 11.

³⁶ Цит. по: Колосов Н. А. Типы православного духовенства в русской светской литературе. С. 36.

³⁷ Там же. С. 35.

³⁸ [Б. п.]. Православное духовенство в русской литературе // Воскресный день. 1908. № 3. С. 34–36.

³⁹ Круглов А. В. Непутевый дьякон // Исторический вестник. 1907. Т. 109. Июль. С. 116.

водятся в неприглядном свете». ⁴⁰ Такого же мнения придерживался и Колосов, считавший, что Круглов стал относиться к духовенству негативно и примером является этот рассказ, в котором «дьякон, прозванный непутевым за свои чудачества и дурачества, оказался несравненно лучше и выше приличных по наружности своих собратий». ⁴¹

Церковные критики далеко не всегда были единодушны в оценке тех или иных писателей. Примером того могут служить произведения А. П. Чехова. Архимандрит Георгий, ректор Тульской духовной семинарии, посвятил статью ⁴² образам русского духовенства в его творчестве. Архимандрит считал, что писатель очерняет все белое духовенство, ⁴³ а Победов — поверхностный, легкомысленный и бездеятельный человек, живущий обыкновенной, будничной жизнью и совершенно не думающий о служении Церкви.

Священник М. М. Степанов, автор ряда монографий о религии русских писателей, отрицательно отнесся к образу Победова, называя дьякона «лентяем и неблаговоспитанным человеком». ⁴⁴

Совершенно другой взгляд на одного из персонажей повести «Дуэль» у священника Н. Стойкова, ⁴⁵ который часть своей статьи, где он рассматривает образы дьяконов в творчестве Чехова, предваряет рассуждениями о том, кем являются эти священнослужители в причте. По мнению критика, дьякон — самый самостоятельный человек среди членов клира. Если священник ответствен за все, что происходит в его приходе, и, как правило, боится и раболепствует перед любым начальством, дьячок находится в полной зависимости от настоятеля храма, то дьякон, хотя и должен подчиняться священнику, но на самом деле такое подчинение наблюдается редко. Объясняется это тем, что дьякон не обязателен для штата причта, особенно в сельских приходах, где дьяконская должность — определенная роскошь. «Это своего рода казачество в духовном сословии, — пишет критик, — смелое, бесшабашное, всегда протестующее, благодушно-юмористически или злобно-саркастически настроенное». ⁴⁶ Именно такие дьяконы изображены Чеховым в рассказах «Панихида», «Певчие», «В бане», «В почтовом отделении».

В повести «Дуэль» Победову не свойственны робость и забитость, характерные для духовного сословия. Он живет весело и беззаботно, дружит с людьми из интеллигентного круга, которые не верят в Бога, да и нравственно далеко не безупречны.

Для Стойкова Победов — «натура в высшей степени симпатичная, что называется душа-человек, его все любят, его обществом дорожат». И дьякон тоже любит свое окружение: «Они хотя неверующие, — говорит он, — но добрые люди и спасутся». ⁴⁷ Как видим, критик не рассматривает Победова как духовное лицо, а лишь как хорошего, доброго, сердечного человека.

В творчестве плодовитого писателя И. Н. Потапенко, проходившего общеобразовательный курс в Одесской духовной семинарии, большое место занимают различные типы представителей духовного сословия, в том числе и дьяконы. Церковная критика не раз упрекала Потапенку в том, что он недостаточно знает разные стороны быта

⁴⁰ [Б. п.]. Православное духовенство в русской литературе. С. 39.

⁴¹ Колосов Н. А., *свящ.* Поход против духовенства в современной русской беллетристике // Московские церковные ведомости. 1907. 30 сент. № 39. С. 1211–1212.

⁴² Георгий. Наше духовенство в произведениях А. П. Чехова (Литературно-философский очерк) // Вера и разум (Харьков). 1904. № 19. Октябрь. Кн. 1. Разд. философский. С. 211–230.

⁴³ Также считали и другие критики. Например, киевский священник, писатель и журналист С. С. Брояковский замечал: «Его (Чехова. — А. Р.) рассказы из духовного быта отличаются уродливостью, тенденциозностью и другими тяжелыми, удручающими и несогласными с действительностью качествами» (Брояковский С. Духовенство в произведениях А. Чехова // РДСП. 1903. Т. 3. № 44 (2 нояб.). С. 41).

⁴⁴ Степанов М. М., *свящ.* Религия русских писателей. Саратов, 1913. Вып. 1. Религия А. П. Чехова. С. 44.

⁴⁵ Стойков Н., *свящ.* Духовенство в изображении А. П. Чехова // Странник. 1905. Июль. С. 37–50.

⁴⁶ Там же. С. 46.

⁴⁷ Там же. С. 49.

духовенства, поэтому в его произведениях нередко соседствуют как соответствующие действительности детали, так явно нереальные.

Инспектор Киевской духовной семинарии С. В. Кохомский опубликовал рецензию на рассказ писателя «Шестеро».⁴⁸ У сельского дьякона Антония Бубырко шестеро детей и смертельно больная жена, которая хочет, чтобы муж, пока она жива, поехал к архиерею просить священнического места. Однако от благочинного дьякон узнает, что архиерей, помня, как когда-то давно Бубырко служил в архиерейском хоре и «не попадал голосом в тон певчих», не хочет возводить его в сан. Бубырко приезжает в город, приходит в консисторию и, изложив свою просьбу, кладет на стол конверт с прошением и деньгами. Вопреки его ожиданиям, ему было отказано. «Нужно ли было владыке припоминать малозначащее непопадание в тон, — пишет С. В. Кохомский, — когда так легко было указать на самый сильный и вполне достаточный мотив к отказу: недостаток образования Бубырко, едва протянувшего в семинарии один год и состоящего на дьяконском месте только 8 лет?»⁴⁹ Бубырко приходит к владыке, падает ему в ноги, объясняет, что священство ему нужно для того, чтобы прокормить шестерых детей, и архиерей посвящает его в сан. По мнению рецензента, рассказ «читается легко и производит впечатление»,⁵⁰ в нем есть отражение действительности, однако его портят некоторые малоправдоподобные детали.

Для Л. А. Соколова этот рассказ — свидетельство слабости духовных интересов низших клириков, для которых «вся жизнь их — сплошная борьба за существование».⁵¹ Они бесхарактерные люди, готовые пресмыкаться перед сильными мира сего, безропотно переносить любое унижение.

Другой критик⁵² подробно проанализировал рассказ «Речные люди», в котором главным героем является дьякон Лев Исопов, 25 лет прослуживший в одном сельском приходе. Его, обладателя прекрасного баса, зовут в губернский город на должность протодьякона. Однако он не хочет менять место своей службы, так как дружно живет в селе с настоятелем, знает всех прихожан. Льва Исопова, вместе с другими дьяконами, приглашают на испытание в архиерейские покои, где он решительно отказывается от протодьяконского места, заслужив от своих конкурентов прозвище «неразумный».

Рецензент перечисляет ряд деталей в рассказе, которые не могли иметь место в действительности, однако считает, что образ о. Льва «с религиозно-нравственной стороны, во многих отношениях достоин подражания».⁵³ Он всегда искренен, никогда не прибегает ко лжи, прост в общении со всеми. Ему хорошо в своем приходе и не нужно никакого улучшения материального положения.

Колосов выделил положительные образы дьяконов, созданных Потапенко. Это добрые и отзывчивые люди, готовые прийти на помощь нуждающимся: соборный дьякон о. Гурий Маккавеев в романе «Счастье по неволе», дьякон Антоний в рассказе «Забывтый пономарь». Подробно проанализировал критик рассказ «Примирение».⁵⁴ В нем изображены два священника, которые поделили приход пополам. Между ними происходят ссоры. Однажды в приходе умирает старуха, и ее сын идет сначала к одному священнику, потом к другому, прося их похоронить мать, но те отказываются. Сын идет к старому дьякону, который ответственно относился к жизни в приходе. Дьякон также поочередно посещает обоих священников, уговаривая их отпеть ста-

⁴⁸ Кохомский С. В. Быт русского духовенства по изображению светского писателя // РДСП. 1891. Т. 37 (15 сент.). С. 49–55.

⁴⁹ Там же. С. 53.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Соколов Л. А. Типы наших духовных пастырей в произведениях светских писателей (По поводу сочинений г. Потапенко) // Странник. 1892. Декабрь. С. 720.

⁵² [Б. п.]. Тип дьякона по рассказу И. Потапенко «Речные люди» // Воскресный день. 1895. № 39. С. 620–622.

⁵³ Там же. С. 621.

⁵⁴ Колосов Н. А., свящ. Типы православного духовенства в русской светской литературе. С. 43–45.

руху, но его затея не удалась. Тогда он посоветовал крестьянину зарыть тело матери самому, а в ближайшее время кто-нибудь из батюшек ее обязательно отпоет. Так и случилось: в воскресенье старуха была отпета. Колосов дал подробную характеристику обоим пастырям и их женам, но почему-то не обратил внимания на совершенно новый образ дьякона, который без тени робости относится к своему начальству.

Резко раскритиковал Колосов рассказ Потапенко «Поиски протодьякона».⁵⁵ В Москве служит протодьякон Ксенофонт Явленский, обладатель феноменального баса. Его очень любили прихожане, ни одна свадьба, ни одни поминки не обходились без него. За столом он пел хозяевам, их родственникам и гостям многолетие, получая за это большие деньги. Однажды, когда он пел многолетие на именинах церковного старосты, у протодьякона лопнули связки и голос был навсегда потерян. Когда Ксенофонт умирает от горя, прихожане ищут ему замену и находят в провинции семинариста с прекрасным голосом. Его срочно женят на дочери умершего и посвящают в дьяконы. Дочь о. Ксенофонта, имеющая светское образование, хорошую пенсию за отца и его же доходный дом, для того чтобы не лишиться отцовского места и квартиры, выходит замуж за незнакомого человека. По мнению Колосова, совершенно неправдоподобны образы протодьякона Ксенофонта, а тем более его дочери.

Творчество другого очень популярного писателя начала XX века С. И. Гусева-Оренбургского церковная критика восприняла в основном отрицательно. Так, Капралов, рецензируя его сборник рассказов, писал: «Можно родиться в духовной среде, быть самому священником, знать жизнь духовенства, как свои пять пальцев, и в то же время в литературном изображении этой жизни быть в лучшем случае посредственностью <...>. В творчестве Гусева-Оренбургского мелькают какие-то толпы отвратительных уродов».⁵⁶

Все типы дьяконов в сборнике явно отрицательны. Например, в рассказе «Обида» запойный пьяница дьякон Вавилонов, придя негрезвым в дом настоятеля о. Феогниста, жалуется ему на то, что некто Мореходов, певший когда-то в архиерейском хоре, уже стал священником, а он до сих пор остается дьяконом. На десяти страницах излагаются причитания Вавилонова, на церковнославянском языке, что, по мнению писателя и о. Феогниста, очень смешно. Однако на самом деле, делал вывод Капралов, все «до того неестественно и пошло, что не возбуждает даже негодования на автора. Чувствуется только действительно обида, „обида“ <...> за читателя, да стыд за автора».⁵⁷

В рассказе «Бедный приход»⁵⁸ дьякон Громкогласов убеждает своего молодого зятя, получившего назначение в бедный приход, ехать туда. Дьякон рассказывает зятю, как он, когда был молодым, тоже приехал псаломщиком якобы еще в более бедный приход, чтобы там разбогатеть: собрал хороший урожай на своем наделе и много руги,⁵⁹ занимался перепродажей угля, дров, барок, за два ведра водки, выставленной крестьянскому сходу, стал получать от прихожан 60 рублей в год и т. д. Во всех своих способах разбогатеть он, по нашему мнению, напоминает дьякона о. Павла из очерка Потехина «Деревенские мироеды».

В рассказе «Худая молва» дьякон пишет донос на своего настоятеля, называя его «либералом». Перепуганный священник унижается перед благочинным и архиереем. Все это, с точки зрения критика, свидетельствует о полном разложении жизни в приходе. «Плох дьякон, плох священник».⁶⁰

⁵⁵ Колосов Н. А., *свящ.* Дни лукавые // Странник. 1908. Июнь. С. 197–208.

⁵⁶ Капралов Евг., *свящ.* Духовенство в современной беллетристике // РДСП. 1906. Т. 1. № 2 (8 янв.). С. 35–36.

⁵⁷ Капралов Евг., *свящ.* Духовенство в современной беллетристике // Там же. № 3 (15 янв.). С. 75.

⁵⁸ Капралов Евг., *свящ.* Духовенство в современной беллетристике // Там же. № 4 (22 янв.). С. 99–101.

⁵⁹ Руга — годовое содержание всему причту от прихожан деньгами, хлебом и разными припасами.

⁶⁰ Там же. С. 105.

Если Капралов писал свой отрицательный отзыв на один сборник рассказов, то Н. А. Колосов рассматривает все творчество С. И. Гусева-Оренбургского до 1915 года,⁶¹ при этом он делит его на два периода. Первый из них продолжался до 1905-го, когда писатель еще не стал резко обличать духовенство, а затем начался второй — полного неприятия духовного сословия. Уже в первом периоде наблюдается тенденция Гусева-Оренбургского изображать отрицательные черты в служителях церкви: неприятная внешность, стяжательство, пьянство, неприязненные отношения внутри причта и т. д.

Писатель в большинстве случаев черными красками рисует не только священников, но и дьяконов. Среди отрицательных черт, которыми наделяет их писатель, жадность и мстительность. В рассказе «Кахетинка» дьякон Авесаломов решает отомстить одной крестьянке, отказавшейся продать ему курицу редкой породы, тем, что он, при попустительстве священника, отказывается венчать ее сына. Лишь после длительных уговоров и всяческих унижений родителей жениха он соглашается на венчание, получив за это сумму в пять раз больше, чем принято. Многие дьяконы — запойные пьяницы, другие — любители посутяжничать со своими священниками при дележе дохода, нагрубить иерею, поссориться с членами семьи и т. д. Например, в рассказе «Дьякон и смерть» дьякон Ястребов 12 лет судится из-за пустяка со своим сыном, дьячком из другого прихода. Где бы ни встретились отец с сыном, у них начинается спор, доходящий порой до драки. Писатель демонстрирует невысокие умственные способности дьяконов, которые проявляются на экзамене, устроенном сельским благочинным по указанию епархиального начальства. Написанная в карикатурном стиле сценка ответов служителей церкви показывает полное незнание ими церковной истории и богослужения.

Наряду с отрицательными образами дьяконов, есть, по мнению Колосова, и положительные: «дьякон народолюбец» Василий Иванович («Рыцарь Ланчелот»); дьякон Колобродов («Несокрушимый оптимист»), «с необыкновенною настойчивостью и энергией защищающий девушку и успевающий в этом»; «веселый и общительный рыболов Серафимов» («В гостях»); «с некоторыми оговорками философ Малиновский дьякон» («Над поемой»); дьякон Яков («Враги») и в особенности дьякон Макар Коловоротов («Дьякон и смерть»), «бывший раньше сапожником, человек очень добрый и практически неглупый, хотя совершенно необразованный».

Таким образом, анализируя произведения Гусева-Оренбургского, церковные критики акцентировали свое внимание на отрицательных образах дьяконов, не раскрывая положительных черт других типажей. Так, Колосов отметил, что в его текстах, во-первых, много повторений («слишком не велик запас у нашего автора типов и выражений»⁶²), во-вторых, он подражает то Потапенко, то Л. Толстому, то Андрееву, тем не менее, как считает критик, духовенству полезно и нужно познакомиться с творчеством писателя.

В данной статье рассмотрены сочинения писателей второй половины XIX — начала XX века, в творчестве которых представлены различные типы дьяконов, получивших положительную или отрицательную оценку в церковной критике. Следует подчеркнуть, что в целом авторов критических статей не удовлетворяла общая картина изображения духовенства по следующим причинам: во-первых, отсутствие у большинства писателей глубокого знания и понимания специфики жизни и служения Церкви как священников, так и дьяконов; во-вторых, даже если писатель имел духовное образование (Потапенко, Гусев-Оренбургский), то он, вместо объективного подхода к духовенству, выражал свое субъективное отношение к изображаемым персонажам, и чаще всего оно было негативным. Их образы, по мнению большинства критиков, были мало художественны, неубедительны и трафаретны, не отражали сложную реальность церковного служения.

⁶¹ Колосов Н. А. Православное духовенство в изображении С. Гусева-Оренбургского // Христианин. 1915. № 10. С. 331–349; № 11. С. 522–539; № 12. С. 716–731.

⁶² Колосов Н. А., *свящ.* Типы православного духовенства в русской светской литературе 1901–1902 гг. С. 726.

Анализируя литературные произведения, их восприятие духовной критикой, можно констатировать следующее: писатели, как правило, не изображали ни дьякона как служителя церкви, ни его взаимоотношений с прихожанами. Они рассказывали о нем как о человеке, прежде всего, в обыденной жизни, не затрагивая обычно семейных отношений. Поэтому образы созданных ими дьяконов не показывали общей картины их служения Церкви. Даже высоко оцененные критикой образы Ахиллы Десницына и отца писателя Елпатьевского не раскрыты как церковные служители.

В заключение необходимо отметить, что изучение богатого материала о творчестве писателей в духовной периодике⁶³ расширяет и углубляет восприятие исследователя литературы: церковные критики анализировали произведения с религиозно-нравственной стороны, что не всегда в полной мере учитывается в современном литературоведении.

⁶³ Большим подспорьем в этом служит библиографический указатель: Христианство и новая русская литература / Сост. А. П. Дмитриев, Л. В. Дмитриева. СПб., 2002.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-129-156

© В. А. Лукина, © В. И. Симанков

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПЕРЕВОД И. С. ТУРГЕНЕВА: «ДЕЛО СОМОВА» В РУССКОЙ И ИНОСТРАННОЙ ПЕРИОДИКЕ 1879 ГОДА

4 (16) августа 1879 года И. С. Тургенев получил письмо от своего давнего знакомого Е. Я. Колбасина, находившегося в это время на лечении в немецком курортном городке Наугейме. Письмо Колбасина, к сожалению, не сохранилось, однако до нас дошел ответ писателя. 5 (17) августа 1879 года Тургенев сообщал из Буживаля: «Я получил вчера Ваше письмо с приложенной, действительно потрясающей, корреспонденцией. — Я ее сегодня же перевел — и постараюсь поместить ее в одном из здешних журналов: жалко только то, что ни один из попадающих в Россию журналов — как напр.: „Temps“ — не согласится ее принять, боясь повредить себе. — А именно это было бы желательно. О самом происшествии уже не говорю: это один из симптомов того невозможного, небывалого состояния, в котором находится теперь Россия! — Во всяком случае, очень благодарен за сообщение. <...> Как только выяснится, в каком журнале будет напечатана корреспонденция — я Вам непременно дам знать...».¹

Несколько дней спустя Тургенев получил еще одно письмо от Колбасина (также несохранившееся), из которого следовало, что в их переписке произошла путаница: Тургенев по недосмотру перепутал конверты и отправил Колбасину послание, предназначенное петербургскому приятелю А. В. Топорову. Чтобы исправить неловкую ситуацию, 9 (21) августа Тургенев отправил на имя Колбасина еще одну депешу, в которой вкратце повторил содержание первого (на тот момент не дошедшего до Колбасина) письма: «В моем письме к Вам я Вас благодарил за доставление корреспонденции

¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. Л., 1967. Т. 12. Кн. 2. С. 117, № 4924 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием серии, номера тома и страницы арабскими цифрами). Фрагменты из этого и следующего письма Тургенева к Колбасину сверены и уточнены по автографам (ИРЛИ. Р. I. Оп. 29. № 17) в ходе подготовки издания: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 17. Кн. 1 (в печати; далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием серии, номера тома римскими и страницы арабскими цифрами). Первое письмо, от 5 (17) августа 1879 года, было отправлено Колбасину лишь 14 (26) августа, после того как оно было возвращено Тургеневу А. В. Топоровым (см. ниже).